

**Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович**

Круглый год: Очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Круглый год: Очерки / Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 233 с.

ISBN 978-5-519-84493-2

ISBN 978-5-519-84493-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Въ новый годъ, разумѣется, пришелъ ко мнѣ племянникъ. Молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ, но преспособный. У меня только въ новый годъ, да на Пасху и бываетъ.

— Съ новымъ годомъ, дяденька.

— Съ новымъ счастьемъ тебя. Вареньца не приказать ли подать?

— Помилуйте, дядя, я въ это время водку пью (былъ третій часъ въ исходѣ).

— Водку? а ежели маменька узнаетъ?

— Она ужъ пять лѣтъ это знаетъ.

— Ну, водки такъ водки. А ежели водку пьешь, такъ, стало быть, и куришь. Вотъ тебѣ сигара. Рассказывай, что хорошаго? съ визитами кончилъ?

— Съ нужными—да; еще два-три не особенно важныхъ осталось—тѣ передъ обѣдомъ додѣлать успѣю. А что жъ вы, mon oncle, не поздравляете меня?

— Не знаю съ чѣмъ, оттого и не поздравляю.

— Conseiller de collège—сегодня и въ приказахъ ужъ есть.

— Вотъ какъ это прекрасно! Поздравляю, поздравляю, мой другъ! Маменьку-то уведомили-ли?

— Сегодня въ девять часовъ утра въ Ниццу телеграфировалъ, и сейчасъ заѣзжалъ домой—ужь отвѣтъ полученъ. Вотъ и телеграмма.

Онъ подалъ листокъ, на которомъ я прочиталъ:

„Petersb. Znamenskaia, 11.

„Néougodoff.

„Suis toute fière bénis conseiller collègue Vendez Russie
vendez vite argent envoyez Suis à sec

„Nathalie“.

— Однако, какъ же это: „Vendez Russie, vendez vite“ и „argent envoyez“—что это значить? Неужто ужь такъ деньги зандобились? въ недоумѣннн остановился я.

— Очень просто: есть у насъ пустошь Рускина—вотъ ее и надлежитъ продать. А на телеграфѣ переврали: Russie.

— Гм... какая, однакожь, можно сказать, провиденціальная ошибка! Такъ вы Рускину-то продаете?

— Мы, дяденька, ужь третью пустошь продаемъ съ тѣхъ поръ, какъ маманъ въ Ниццу уѣхала. Она пишетъ, что пустоши—лишнее, только фигуру имѣннн портятъ.

— То есть, какъ тебѣ сказать?... Конечно, пустоши—это въ родѣ бородавки... Бываютъ, однако, и бородавки... А, впрочемъ, и то сказать: много денегъ въ Ниццѣ надо, особливо, ежели кто въ Монте-Карло ѣздитъ! Только какъ бы, послѣ Рускиной-то, и до Монрепѣ Nathalie не добралась!

— Никогда не допущу! Тамъ прахъ моего отца! Вы забываете это, mon oncle!

— То-то, ужь попридержитесь. Стало быть, Nathalie тобой довольна? „Suis toute fière“—вотъ они материнскія-то чувства! Цѣни ихъ, другъ мой! Vendez Russie, vendez, vite... фу! Да впрочемъ, какая бы мать и не загордилась на мѣстѣ Nathalie: въ твои лѣта—и ужь почти фельд-маршалъ!

— Ну, до фельдмаршаловъ-то далеко!

— Нѣтъ, не очень. Посчитай-ка. Черезъ годъ, положимъ, статскій совѣтникъ...

— Черезъ годъ... impossible, mon oncle!

Өединька скромничалъ, но я очень хорошо видѣлъ, что внутренно онъ вполнѣ одобряетъ мои предположенія, и потому продолжалъ:

— Черезъ два года—дѣйствительный, потомъ тайный, потомъ трещина вдоль черепа... фу! чтò это, однакожь, какой я вздоръ говорю! Нѣтъ, право, совсѣмъ не такъ далеко, какъ кажется съ перваго взгляда! Ну, да будущее въ руцѣ Божіей... Теперь то ты какъ? доволенъ?

— Еще бы! самъ генералъ, давича, на общемъ представленіи объявилъ. Подошелъ, поздравилъ и сказалъ: если и на будущее время будете такъ продолжать, то...

Өединька остановился.

— Ну?

— И только—что жъ больше! затѣмъ перешелъ къ слѣдующему—и ему тоже...

— Ну, вотъ видишь! Стало быть, статскій-то совѣтникъ ужъ и теперь подразумѣвается. Продолжай, душа моя, старайся! И маменькѣ утѣшеніе, да и я, дядя-старикъ, на тебя глядячи, порадуюсь!

И, какъ истинный старикъ, я не утерпѣлъ и воскликнулъ:

— Господи! давно ли! Давно ли, кажется, я отъ купели тебя воспринималъ!

— Ровно двадцать четыре года тому назадъ.

— Какъ время-то бѣжить! Словно вотъ сейчасъ слышу голосъ Nathalie изъ-за двери: ради Бога, Michel, не урони его! ты такой неловкій!

— Не уронили, однако?

— Богъ спасъ! а знаешь ли, впрочемъ, чтò! вѣдь иногда вашего брата изъ нынѣшнихъ, право, не дурно

было бы въ младенческихъ лѣтахъ съ умѣренной высоты уронить!

— Это за чѣмъ?

— Да бойки вы очень. Мечетесь, скачете, куски ловите—сколько вы народу передавите! Ну, да, чѣмъ говорить объ этомъ! Дай-ко лучше я полюбуюсь на тебя.

Я приподнялъ его съ кресла за руки, поставилъ передъ собой и повернулъ кругомъ.

— Безъ отмѣтинъ! Ноги крѣпкія, безъ подсѣдовъ, грудь широкая, крупъ, какъ печь, и при этомъ—селезенка играетъ!.. молодецъ! Дамочки-то, я полагаю, видѣть равнодушно не могутъ! Особливо, какъ теперь узнаютъ, что такой милушка—и почти фельдмаршалъ! Вѣдь ты, разумѣется, и въ благотворительныхъ обществахъ служишь?

— Безъ этого, дядя, нельзя. Въ двухъ обществахъ секретаремъ, въ трехъ—членомъ соребнователемъ.

— Знаешь, значить, гдѣ раки зимуютъ?

— Не безъ того. Да вѣдь и вы, дядя, я полагаю, въ свое время по части „дамочекъ“ спуска не давали?

— Гдѣ намъ, другъ мой! Въ наше время вѣдь и „дамочекъ“ то не было. Бывали, да все Юноны; сидитъ она, бывало, въ оперѣ, въ бель-этажѣ, словно царевна въ окладѣ да пастыльки жуётъ—ну, и любуйся на нее снизу. А теперь пошли маленькія, юрконькія... интересны онѣ?

— Масло!

— Ну, и слава Богу. Только вотъ говорятъ онѣ много... все говорятъ! все говорятъ! Этого тоже въ наше время не было. Вообще, въ наше время для тѣхъ, кто не состоялъ по кавалеріи или не обладалъ громкимъ титуломъ, плохо по женской части было. Только два ресурса и существовало: Кессенихъ да Марцынкевичъ. Тамъ, дѣйствительно, встрѣчались „дамочки“, но тѣ не разговаривали. Оно, съ одной стороны, конечно, недостатокъ словесности... но съ другой стороны... Ну, дай тебѣ Богъ! дай Богъ!

Я обнялъ его и поцѣловалъ. Но потомъ опять не выдержалъ и удивился.

— Да вѣдь ты едва школьную скамью оставилъ! Ахъ!

— Пять лѣтъ ужъ, дяденька.

— Неужто ужъ пять лѣтъ?

— Даже немного больше. Нѣтъ, вы вотъ кому подивитесь—Самогитскому! Всего на одинъ курсъ старше меня, а на дняхъ ужъ въ Погорѣловъ посланъ!

— Вотъ, я думаю, чья маменька-то не нарадуется!

— У него, mon oncle, нѣтъ настоящей маменьки. То есть, коли хотите, она есть, но... vous concevez? Онъ сирота, но сирота, такъ сказать... государственный!

— Гм... понимаю! Эти сироты всегда... Это, дружокъ, и въ мое время случалось. Служишь, бывало, служишь, только-что мѣстечко для себя облюбуешь—и вдругъ тебѣ на голову... „сирота“!

— Такъ и вы, значитъ, знакомы съ этими разочарованіями?

— Я, голубчикъ, все знаю. Я и славы видѣлъ, и срамоты видѣлъ—все у меня на глазахъ прошло! Ты спроси, чего я только не видалъ!

— Да, говорятъ, интересные у васъ воспоминанія есть.

— Есть-таки. Бывали интересныя вещи и въ наше время, но, полагаю, что теперь ихъ вдвое больше, и еслибъ ты, напримѣръ, наблюдалъ, то, навѣрное, всякаго изъ насъ, стариковъ, за поясъ бы заткнулъ.

— Почему же вы такъ думаете?

— Да просто потому, что въ наше время жизнь какъ-то ровнѣе шла, стало быть, и интереснаго въ ней сравнительно меньше было. Подкладкой-то ей, положимъ, служили тѣ же самыя непредвидѣнность и неприкрытость, что и теперь, но люди, которые пользовались этой подкладкой, были солиднѣе. Они понимали, что извѣстныя жизненныя условія для нихъ выгодны, и пользовались ими

какъ могли; но они не дразнились, не утверждали во всеуслышаніе, что это тѣ самыя условія, лучше которыхъ нѣтъ и не будетъ. Они знали, что такого тезиса нельзя приличнымъ образомъ поддержать и что болтливость и хвастовство могутъ только компрометировать, но никакъ не защитить. Поэтому, въ наше время была строгость, но не было ненависти; бывали дѣйствія суровыя, неумолимыя, но не было вывертовъ, презрѣнія и наглости. Мрачно было, мой другъ, въ наше время, но хоть тѣмъ хорошо, что „шитореску„ подлага не такъ много было. Живешь-живешь, бывало, „въ объятыхъ сладкой тишины“—и ничего-то бьющаго въ глаза! И только когда-когда что-то шевелится. Герой вдругъ появится, который одинъ цѣлую армию полицейскихъ разобьетъ, или такой ужъ мерзавецъ, что даже прочіе мерзавцы—и тѣ удивляются, какъ его земля носитъ. Ну, разумѣется, интересно: возьмешь и запишешь.

— Такъ, значить, по вашему, нынче интересныхъ вещей больше?

— Больше, мой другъ.

— Представьте, я этого никогда не замѣчалъ!

— И не замѣтишь, потому что ты самъ среди этой суматохи живешь. А вотъ, если, по обстоятельствамъ, придется тебѣ отъ фельдмаршалства-то отказаться да къ сторонкѣ отойти—вотъ тогда всѣ эти интересности сами собой и всплывутъ. Будетъ объ чемъ и дѣтямъ, и внукамъ поразсказать.

— Не знаю. Это для меня совсѣмъ ново. Во всякомъ случаѣ, я думалъ и продолжаю думать, что никогда мы не пользовались такой свободой, какъ теперь, и что въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, шагъ впередъ сдѣланный нами...

— Свободно то, даже очень свободно—помилуй, развѣ я не знаю! Но непредвидѣнность... ахъ, эта непредвидѣн-

ность! Представь себѣ, вотъ я старъ-старъ, а все-таки меня ежечасно какая-то оторопь беретъ. Ходишь иногда одинъ и думаешь:—вѣльно мнѣ теперь, на что вольнѣе! Что хочю, то дѣлаю! И въ десятую долю нѣогда такъ свободно не дышала моя грудь, какъ дышитъ нынче! И вдругъ, какая-то непріятная дрожь. А что—дескать, коли, по обстоятельствамъ, придется вверхъ ногами ходить?

— Но вѣдь это пустяки, mon oncle! вы очень хорошо понимаете, что пустяки!

— Понимаю-то, понимаю, а все-таки...

— Все таки боитесь... пустяковъ!

— Клянусь, боюсь. Никогда этого со мной не бывало, даже при Биронѣ не было — вотъ, братъ, какъ я давно живу! — а нынче, какъ спать ложиться иду, непременно обѣ двери и на парадную лѣстницу и на черную осматриваю: крѣпко ли заперты? И ночью не разъ встанешь — слушаешь.

— Что-жъ привидѣній вы что ли боитесь?

— Нѣтъ не привидѣній, а вообще... „Интереснаго“ боюсь. Думаешь иногда: что ужъ во мнѣ! кажется, только и корысти, что заборы мной подпирать — а все-таки боишься!

— Ну, нѣтъ, не скромничайте! не говорите, что вами только заборы подпирать! Слыхали мы тоже про васъ, слышали-таки!

Оединъка сказалъ это, очевидно, шутя, однакожъ, я все-таки обезпокоился.

— Вотъ видишь, и ты слышалъ—а я ничего не знаю. Почти ни съ кѣмъ я не вижусь, а если и вижусь, то съ такими же калѣками, какъ я самъ; даже водку совсѣмъ пересталъ пить, а все-таки чувства опасенія не утратилъ!

— А я и вижусь со всѣми, и вино и водку пью—и ничего не боюсь.

— Во-первыхъ, ты кандидатъ въ фельдмаршалы — не

тебѣ, а тебя бояться приличествуетъ. Во-вторыхъ, ты безстрашный. Вы всѣ, нынѣшніе, безстрашные. Въ васъ совсѣмъ нѣтъ чувства отвѣтственности, а мы, старики, были снабжены имъ въ излишество.

— Но какое же тутъ чувство отвѣтственности, коли вы даже водки не пьете?

— Все-таки. Вспомни, что я вскормленъ непредвидѣнностью и, слѣдовательно, ни на минуту не имѣю права позабыть объ ней. Придетъ она, спроситъ—я долженъ виниться! Въ чемъ виниться—я, положимъ, не знаю, но обстановку виноватости все-таки представить обязанъ.

— Однако, напуганы таки вы!

— Не напуганъ, а съ молодю привыкъ понимать, что въ семь мѣстѣ не пахнетъ розами. Вотъ эту-то самую остроту обонянія я и называю чувствомъ отвѣтственности. Безъ хвастовства, и не въ укоръ тебѣ, но я все таки долженъ сказать: мы, старики, умнѣ васъ держали себя.

— Ого!

— Да, умнѣ—право, это такъ. Не всѣ срамоты наружу вываливали, а кой что и для внутреннихъ апартаментовъ приберегали. И не стыдъ руководилъ нами въ этомъ случаѣ, а именно чувство отвѣтственности, опасеніе компрометировать и себя, и присныхъ своихъ. Ужъ это развѣ оглашенные какіе хвастались: я — молъ такого-то объегорилъ, а такого-то и совсѣмъ по міру пустилъ, мудрый же; бывало, сядетъ по тихоньку въ уголокъ, да и прикладываетъ рубликъ къ рублику. А на старости лѣтъ, глядишь, онъ либо въ масоны поступилъ, либо псалмы въ стихи перекладываетъ. Такъ-то, мой другъ. И гадость свою выполнилъ, да и окрестностей вонюю не отравилъ—вотъ наша мудрость была какова!

— Къ счастью, что въ наше время ни „оглашенныхъ“, ни „мудрыхъ“—одинаково нѣтъ.

— „Мудрыхъ“ нѣтъ—это правда; но „оглашенныхъ“—

хоть прудъ пруди. И притомъ, живущихъ со дня на день, непредусмотрительныхъ, безъ надобности тщеславныхъ и безъ надобности же пресмыкающихся, не понимающихъ, что всякій поступокъ долженъ имѣть свою причину и свой результатъ...

— Дядя! вѣдь это, наконецъ, обидно!

— Да, это обидно. До такой степени обидно, что даже самая бесѣда объ этомъ раздражаетъ. Но представь себѣ: есть вещи до такой степени неразрывныя съ человѣческимъ существованіемъ, что какъ ни отмахивайся отъ нихъ, онѣ такъ и наступаютъ такъ и наступаютъ на тебя. Вотъ я совсѣмъ ужъ, кажется, отгородился отъ жизни, да, къ несчастью, къ газетамъ привычки не могу побороть. Получаю, братецъ, читаю. Иной разъ прямо тебя по затылку ударить, а другой разъ хоть и ничего нѣтъ въ газетѣ — опять обида! Почему *ничего* нѣтъ? Не можетъ быть, чтобъ *ничего* не было! Обида, обида, обида! Можетъ быть, на дѣлѣ и нѣтъ этой обиды да внутри у тебя ихъ непроглядная масса сидитъ. Тревожатъ, дразнятъ, досаждаютъ. Перечти-ка ты эти обиды, посчитай-ка ихъ въ тиши уединенія—вотъ и поймешь, почему иногда скучно на свѣтѣ жить.

— Вольно же вамъ!

— Обиды то глотать? Нѣтъ, иногда даже полезно приучаться къ этому глотанью, потому что обида, рано или поздно, все-таки придетъ. И ежели ты къ этому не привыкъ, а умѣешь глотать только устрицы, то обида у тебя поперекъ горла встанетъ, задушить. А меня не задушить, потому что я привыкъ. Впрочемъ, будетъ объ этомъ, обратимся лучше къ тебѣ. Ну, фельдмаршалъ, сказывай: планы у тебя въ головкѣ, чай, такъ кишмя и кишать?

— Какіе же планы, mon oncle? и что можетъ мнѣ предстоять?

— Нѣтъ, тебѣ предстоитъ... и это чувствую, что тебѣ „предстоитъ“! Можетъ быть, одинъ „сирота“ мимо про-

скочить, другой проскочить, а все-таки ты тамъ будешь, гдѣ тебѣ природой указано. Вотъ почему я тебѣ, какъ дядя и другъ, говорю: не зарывай въ землю своихъ талантовъ, но культивируй ихъ!

— Но вѣдь ежели вспомнить то, что вы сейчасъ говорили объ этихъ талантахъ, такъ, пожалуй, не культивировать, а именно зарыть ихъ скорѣе придется.

— Гм... пожалуй, что и такъ. Въ такомъ случаѣ, зарой эти таланты и очисти мѣсто для другихъ. Надо тебѣ сказать, что талантъ самъ по себѣ безцвѣтенъ и приобрѣтаетъ окраску только въ примѣненіи. Какого рода положительныя примѣненія ты можешь дать своимъ талантамъ—это, къ сожалѣнію, объяснить трудно. Но отъ какого рода примѣненій полезно было бы тебѣ воздержаться—это я, пожалуй, могу сказать.

Оединька съ чуть замѣтной усмѣшкой взглянулъ на меня и процѣдилъ сквозь зубы:

— Напримѣръ?

— Вижу я, вижу, мой другъ, что болтливость моя забавляетъ тебя. И знаю, что тебѣ нужно только „провести время“ съ старымъ дядей, въ ожиданіи тѣхъ визитовъ, которыхъ ты еще не успѣлъ додѣлать...

— Что за мысль, mon oncle!

— Ничего; позабавься—мнѣ и самому пріятно, ежели тебѣ весело. Начну съ воспоминаній прошлаго. Былъ во времена оны у насъ государственный человѣкъ—не изъ остзейскихъ, а изъ настоящихъ нѣмцевъ—человѣкъ замѣчательнаго ума и, сверхъ того, пользовавшійся репутаціей несомнѣннаго безкорыстія. Тѣмъ не менѣе, даже въ то время нигдѣ такъ не было распространено взяточничество, какъ въ томъ обширномъ вѣдомствѣ, которымъ онъ управлялъ. Такъ вотъ онъ, когда случалось ему отправлять кого-нибудь на мѣсто въ губернію, всегда слѣдующимъ образомъ напутствовалъ отъѣзжающаго: „удивляюсь, го-